

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>

Алексей Александрович Кузнецов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>, omsklaw07@mail.ru

*Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)*

Российская Федерация, 354000, Краснодарский край. Сочи, ул. Дагомысская, д. 42

Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира

Аннотация: Введение. Долгое время наши представления о сущности и содержании категории «ответственность» в общей теории права, в т. ч. взгляды на понятие уголовной ответственности, оставались стабильны, несмотря на их дискуссионность. Ретроспективная ответственность, предполагающая реакцию государства на противоправное поведение, всегда связывалась с государственным принуждением. Вместе с тем проводимая уголовно-правовая политика, необходимость более жесткого реагирования на современные вызовы вкупе с идеями постмодерна и метамодерна позволяют выдвинуть тезис о существенной трансформации категории «ответственность» и необходимости переосмысления ее сущности и содержания. **Методы.** Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции. **Результаты.** Выявлены индикаторы, не укладывающиеся в традиционное понимание ответственности, подтверждающие факт ее серьезной и неизбежной трансформации. К ним, в частности, относится применение государством чрезвычайного законодательства, существенно расширяющего границы ответственности; использование новых технологий (биотехнологии, возможности искусственного интеллекта); смещение вектора стратегии и тактики противодействия преступлениям с уголовно-правового к политическому; постепенное превращение концепции возмездия и кары в концепцию контроля. Все указанное выше позволяет заключить, что в скором будущем система юстиции станет более тоталитарной и жесткой.

Ключевые слова: ответственность, сущность уголовной ответственности, государственное принуждение, чрезвычайное законодательство, уголовная политика, контроль в уголовном праве

Для цитирования: Кузнецов А. А. Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 161–173; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.

Original article

Alexey A. Kuznetsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>, omsklaw07@mail.ru

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice

42, Dagomysskaya srt., Sochi, Krasnodar region, 354000, Russian Federation

Philosophical and legal concept of the essence and content of the category of “responsibility” and its transformation in the context of the modern world picture

Annotation: Introduction. For a long time, our ideas about the essence and content of the category of “responsibility” in the general theory of law, including views on the concept of criminal liability, remained stable, despite their debatable nature. Retrospective responsibility, which implies a state response to unlawful behaviour, has always been associated with state coercion. At the same time, the current criminal law policy, the need for a tougher response to modern challenges, coupled with the ideas of postmodernism and metamodernism allow us to put forward a thesis about a significant transformation of the category of “responsibility” and the need to rethink its essence and content. **Methods.** To achieve the objectives of the study, various scientific methods were used: general scientific methods of cognition (systemic-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), the historical method in combination with the hermeneutic, as well as specific scientific methods, such as comparative legal, legal modeling and extrapolation. **Results.** Indicators have been identified that do not fit into the traditional understanding of responsibility, confirming the fact of its serious and inevitable transformation. These include, in particular, the use of emergency legislation by the state, significantly expanding the boundaries of responsibility; the use of new technologies (biotechnology, artificial intelligence capabilities); a shift in the vector of strategy and tactics for combating crimes from criminal law to political; a gradual transformation of the concept of retribution and punishment into a concept of control. All of the above allows us to conclude that in the near future our justice system will become more totalitarian and harsh.

Keywords: responsibility, the essence of criminal liability, state coercion, emergency legislation, criminal policy, control in criminal law.

For citation: Kuznetsov A. A. Philosophical and legal concept of the essence and content of the category of “responsibility” and its transformation in the context of the modern world picture // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 161–173; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.

Введение

Категория «ответственность» долгое время считалась (да и сейчас считается) в полной мере разработанной. Пик ее исследования пришелся на 60–80-е годы прошлого столетия. Труды, посвященные данной теме, таких специалистов, как Я. М. Брайнин, Н. А. Огурцов, А. А. Пионтковский, А. В. Ушаков, И. С. Ной, В. С. Прохоров, А. И. Марцев, П. С. Дагель (несколько позднее – А. А. Нечепуренко, И. Ф. Дедюхина, И. М. Дворецкий, Ю. Е. Пудовочкин, М. В. Бавсун,

Ф. Р. Сундуrow, А. П. Фильченков) и многих других априори считались исчерпывающими, неким монументальным фундаментом, не позволяющим двигаться в данном направлении дальше. Аналогичной, кстати, представляется и ситуация в теории права, в которой разработки П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева, В. Я. Вышинского, С. С. Сергеева, Д. А. Липинского, А. А. Малиновского также со временем стали восприниматься непреложной истиной, не допускающей ни новых идей, ни малейших отклонений от ранее уже разработанных начал, превратившись в сферу устоявшихся знаний, воспринимающихся на уровне аксиом.

Так или иначе, «ответственность» – это всегда государственное принуждение, разнящееся лишь своими средствами, объемами воздействия, его интенсивностью, а также кругом субъектов, по отношению к которым оно может быть реализовано. Отсюда в целом идея государственного принуждения как таковая должна быть применима, не нова сама по себе. Точнее, инерционное представление о ней сохраняется по-прежнему, что во многом обусловлено и тем объемом знаний, который был накоплен в данном направлении за предыдущий период. И тем не менее именно основная идея (сущность) «ответственности» сегодня стабильно вызывает много вопросов не столько содержательного или организационного свойства, сколько по поводу возможных пределов ее трансформации в условиях динамично меняющегося мира и всех общественных отношений. Мировоззренческий аспект вполне осязаемой категории «ответственность» оказался чуть ли не на первом месте наряду с личностью и государством в условиях доминирования идей постмодерна и производных от них – метамодерна, некрomodерна, постпостмодерна, постчеловека, постиндустриального общества и прочих идей совершенно искусственного происхождения, свидетельствующих в первую очередь о переходном (кризисном) периоде всего общества в новую реальность, не говоря уже об отдельных субъектах правоотношений или юридических категориях и фактах¹.

Методы

При проведении исследования автором использовались общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), позволяющие рассмотреть изучаемое нами понятие через призму сущности и содержания ответственности. Применение исторического метода в сочетании с герменевтическим дало возможность уяснить, какое содержание вкладывалось в категорию «ответственность» в разные периоды ее развития. Частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, помогли автору спрогнозировать пути дальнейшей трансформации рассматриваемой категории.

Результаты

Государственное принуждение и ответственность применительно к сфере уголовно-правового регулирования (речь идет обо всех отраслях уголовно-правового блока, включая и его уголовно-процессуальную составляющую) уже давно перестали быть синонимами, все больше наполняясь различным содержанием. И здесь принципиальным является вопрос, что необходимо понимать под принуждением², а что под ответственностью, особенно

¹ О популярности идей подобного рода свидетельствует хотя бы объем литературы, изданной особенно на Западе, начиная с середины 70-х гг. XX столетия и по сегодняшний день, не говоря уже о глубине содержательной части и фундаментальности многих разработок. При всей их спорности, а зачастую и откровенной античеловечности, их игнорирование при разработке категории «ответственность» недопустимо. Они уже внесли существенный вклад как в государственную политику, так и в сознание масс (См., например: Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 гг. / пер. с фр. А. В. Дьякова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 446 с. ; Клаус Ш. Четвертая промышленная революция. – Санкт-Петербург : Эксмо, 2023. – 208 с. ; Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. – Москва : Новое издательство, 2006. – 129 с. ; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / пер. с нем. А. К. Судакова. – Москва : Весь мир, 2022. – 878 с. ; Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Добросвет, 2000. – 389 с. ; Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 235 с., и др.).

² А в современных условиях и откровенным насилием, совершенно необходимым для обеспечения безопасности общества в государстве.

с учетом трансформации общественных отношений, появлением новых мировоззренческих концепций и их последовательным внедрением как в повседневную жизнь, так и на уровень подсознания каждого человека в отдельности. Дело в том, что смешение таких концепций, более того, их откровенное противостояние друг другу, на фоне мощного лоббирования со стороны властных структур, но представляющих различные идейные центры, уже давно создало зону турбулентности в этом вопросе. Отсюда и категоричный вывод о якобы абсолютной проработанности категории ответственности, ее исключительном догматизме, жесткости конструкции и крайнем консерватизме не выдерживает никакой критики в современных условиях, отличающихся непостоянством и непоследовательностью, низвержением устоявшихся догм, ранее наработанных знаний и ценностей, новыми объективными потребностями и прочими факторами как объективного, так и субъективного свойства, не позволяющими подходить к данной проблеме с прежними мерками.

Вопрос обострился еще более на фоне событий, связанных с COVID-19, а затем со специальной военной операцией на Украине, изменивших не просто весь мир, а сознание всего человечества, обрушивших при этом почти все жесткие правовые конструкции. Государства всего мира оказались в ситуации необходимости принятия срочных и крайне жестких решений, выходящих далеко за пределы ранее понятного и допустимого государственного принуждения, и уж тем более ответственности. И именно ответственность оказалась в центре происходящих процессов, будучи неспособной выполнять свои функции в прежнем виде и совершенно неподготовленной к новым условиям, в которых должна происходить ее реализация.

Тотальная несостоятельность доминирующей длительное время, но, увы, не работающей в новых условиях идеи законности с неизбежностью повлекла за собой и трансформацию всех других правовых категорий, включая ответственность. Отношение к последней при внешних попытках сохранения за ней обязательных признаков в виде ее принадлежности исключительно к официально властному статусу как в части установления, так и в части реализации тем не менее заставили серьезно задуматься о ее содержательном компоненте, а также о круге субъектов, наделенных правом ее реализации. Для этого достаточно вспомнить уровень принятия решений как в части налагаемых на целые регионы или группы населения ограничений, так и в части ответственности за их нарушения в период объявленных в 2020–2021 гг. ограничений³. Базовые конституционные права в течение нескольких лет ограничивались не государством, а руководителями субъектов федерации, мэрами городов и даже руководителями их районов. При этом сами предписания, основывавшиеся на текстах распоряжений, приказов, указаний, писем, авторами которых выступали санитарные врачи, руководители медицинских учреждений, уполномоченные лица от мэрий и администраций и т. д., полностью лишали людей большей части их конституционных прав и свобод.

Впрочем, чрезвычайное законодательство чуть раньше, еще с начала XXI столетия, существенным образом повлияло на содержательную сторону ответственности во всех отраслях права. Его границы были не просто расширены, они практически исчезли, причем это в равной степени касается и самих средств воздействия, которые вновь появились, так и того круга деяний, за которые они теперь могут применяться. По сути, фатальная жесткость (временами граничившая с жестокостью) в части неотвратимости ответственности за прошедшую четверть века возросла многократно, допуская в ее современном состоянии даже уничтожение преступника на вполне законных основаниях, если его действия способны причинить государству ущерб, несопоставимый с уничтожением. Увы, но реалии времени таковы, что вместе с таким лицом уничтоженными на не менее законных основаниях могут быть и мирные граждане, оказавшиеся в статусе заложников виновного и сложившейся ситуации.

³ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2005 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

Что это? Ответственность или нечто большее, или что-то совсем другое, не имеющее отношения к ответственности вообще? Если это все-таки ответственность, то где в таком случае ее персональный характер, где другие принципы конституционного характера? Это правило датируется 2006 годом, имея своим первоисточником так называемый патриотический акт США (*Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act*). Но «дальше – больше», причем даже не в части появления новых актов чрезвычайного регулирования общественных отношений, а в части простоты перехода к такому способу взаимоотношений между государством и обществом, государством и личностью. «Страшна даже не сама ситуация выхода за пределы правового регулирования, пишет М. В. Бавсун, а осознание того, что сейчас мы стали допускать любые ее возможные вариации в части нарушения границ конституционных принципов. Для этого теперь даже не требуется вводить чрезвычайное положение или режим чрезвычайной ситуации, как не требуется и введение военного положения, как раз объясняющих любые особенности в правовом регулировании. По сути, мы получили значительно более жесткие меры, не используя для этого специально созданные правовые режимы»⁴. Чуть позднее, в 2006 году по этому же пути пошел и отечественный законодатель, а в 2015 году – французский (после известных ноябрьских событий 2015 года, когда в результате террористического акта погибли более 130 человек в центре Парижа)⁵.

Суть каждого из перечисленных документов едина: это стремление к обеспечению безопасности любыми способами, не считаясь ни с чьими правами и свободами. «Голая» целесообразность во благо общества и его безопасности, перед которой неспособны устоять никакие догмы и принципы. Между тем реализация именно данного подхода вынуждает ставить вопрос – что есть ответственность в новых условиях картины мира и при такой трактовке понимания права? И не менее сложный вопрос все-таки о пределах исследуемой категории, ответ на который можно получить лишь разобравшись с первым.

Классическое представление о данной категории как о некоей совокупности тягот и лишений, которые должно претерпевать лицо, совершившее преступление [1, с. 113–115], к сожалению, в случае доминирования идеи целесообразности, теряется, практически не объясняя наличия, не говоря уже о применении, тех или иных средств воздействия на того или иного субъекта правоотношений. Резкий крен в сторону чрезвычайного законодательства в начале настоящего столетия во всем мире указывает если и не на несостоятельность ранее разработанных идей применительно к категории «ответственность», то, по крайней мере, на их неустойчивость в современных условиях. Собственно, на это же указывает и снижение уровня принятия решения, ставшее допустимым в целом ряде случаев, когда необходимо такую ответственность применять. Наряду с доминирующими процессами деградации правоприменителя, произошедшей в основном по объективным причинам, его полномочия в данном вопросе стали несравненно выше, чем это было, например, во второй половине двадцатого столетия или в более ранние периоды.

Важно понимать, что сущность любого явления с позиции философии представляет собой нечто неотъемлемое, то, без чего оно прекращает свое существование, утрачивая свою уникальность и самоидентичность. Традиционным и понятным для любого индивида является представление об ответственности как о каре или о возмездии со стороны государства и по отношению к тому, кто допустил нарушение установленного правила поведения. Даже принцип талиона не выглядит чем-то далеким и непонятным для современного человека. Такова историческая обусловленность развития самой ответственности, ее сущности, формировавшейся веками не только в отечественном праве, но в праве в целом вне зависимости от государственных границ и других особенностей, присущих каждому обществу.

⁴ Бавсун М. В. «Чрезвычайное» правовое регулирование, как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 10–16; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>.

⁵ Теракты в Париже 13 ноября 2015 года // РИА Новости : сетевое издание. – URL: <https://ria.ru/20201113/terakty-1584070267.html> (дата обращения: 23.06.2024).

Однако именно его трансформация, как впрочем, и фундаментально изменившийся подход к оценке каждого человека как биологической особи, поставили под сомнение саму сущность ответственности с позиции имеющих у нее возможностей оказывать в первую очередь частнопредупредительное воздействие на лицо, признанное виновным в нарушении правовых норм.

Возможности эти уже в конце прошлого столетия стали по-настоящему безграничными, позволяя на совершенно ином уровне воздействовать как на психику, так и на физиологическое состояние лица, признанного виновным в совершении преступления. Убедительно по данному поводу пишет О. В. Попова, оценивая тело человека как территорию технологий, пытаясь при этом найти грань между социальной инженерией и биотехнологическим конструированием. Раскрывая те возможности, которые сегодня появились у науки в части воздействия на человека, автор отмечает, что их стало гораздо больше, чем государство может позволить себе использовать (с учетом вопросов этики, морали, а также соблюдения базовых прав и свобод человека) [2]. Прагматизм, обусловленный масштабно меняющимися объективными условиями существования современного общества, вынуждает власть искать новые способы принуждения, того принуждения, которое бы действовало адресно и было способно достичь максимального эффекта. Изоляция нарушителей закона, устрашение населения, месть за совершенное преступление остаются и никуда не исчезают из арсенала государственного принуждения. В то же время они, утратив свою уникальность, все больше становятся устаревающими идеями, в разные периоды определявшими сущность наказания, но не более того. Они все больше уступают место новым технологиям, а соответственно, и средствам воздействия на человека, что, собственно, и составляет суть трансформации, выходящей далеко за пределы простого расширения уже давно сформировавшихся и хорошо известных подходов и идей. «Доказательство этого обретает весомость по мере прогресса в производстве машин. Все больше и больше машинерии, все больше механистического обнаруживается в самой что ни на есть заповедной зоне, в самом сердце того, что считали исконно относящимся к душе и исконно субъективным. ... Из этого следует, что люди вступили в эпоху, которая вырвет у них из груди сердце, совершенно не обращая внимания на что-то персональное...» И далее: «Посредством обнаружения механистического в этой сфере, которая казалась самой сердцевиной субъективного, будет обследовано едва ли не все, что как будто не поддавалось обследованию или не желало считаться доступным для обследования: отношение к ребенку, отношение к животному, отношение к собственному телу, включая его яйцеклетки и семенные клетки ..., отношение к Абсолютному, которое было дано нам в пограничных ситуациях рождения и смерти, кажущихся нам неподвластными» [3, с. 162–163].

М. В. Бавсун и Д. В. Попов на этом фоне пишут о практически фантастических реакциях государства на преступные проявления, которые совершенно не вписываются ни в одну из доминирующих на протяжении различных исторических отрезков идей. Авторы отмечают: «В таком мире возможно законодательное закрепление принципа талиона и аутсорсинга исполнения наказания (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*White Bear*”), технологии допроса загрузок сознания, показания которых приравниваются к показаниям физического лица (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*White Christmas*”), виртуальные пытки (Р. Морган, «Видоизмененный углерод»), добровольное установление имплантов в головной мозг солдата, в скрытую часть пакета функций которых входит формирование монструозного образа потенциального противника (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*Men Against Fire*”), роботы-полицейские, осуществляющие административную деятельность (кинофильм «Элизиум»), «охотники за премиальными», имеющие лицензии на отстрел беглых андроидов (Ф. К. Дик, «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). Наряду с этим на вполне серьезном уровне обсуждается и тюрьма будущего – “*Cognify*”, концепт которой предполагает то, как искусственный интеллект (чип, встроенный мозг человека) заставит преступника переживать страдания своей жертвы, когда минуты будут равняться годам.

«Кроме визуальных эффектов, технология может вызывать физические ощущения, такие как боль и страдания, которые испытала жертва. *Cognify* будет создавать реалистичные воспоминания в реальном времени, используя ИИ, и встраивать их в нейронные сети мозга, чтобы избежать когнитивного диссонанса. Воспоминания будут адаптироваться в зависимости от тяжести преступления и приговора»⁶. Что характерно, этот процесс можно сделать практически бесконечным, доведя человека до состояния психического расстройства или полной зависимости, а соответственно, и его подконтрольности.

Можно ли в данном случае вести речь о каких-либо аналогиях с сущностью той уголовной ответственности, к которой мы «привыкли», и насколько она вообще вписывается в традиционные рамки именно уголовно-правовой отрасли? Очевидно, что ответ на этот вопрос не может носить однозначного характера, требуя не просто нового взгляда на проблему, а ее тщательного исследования с целью формирования иного представления, основанного в т. ч. и на тех технологических императивах, которые все больше вторгаются в регулирование общественных отношений⁷. И на каком бы высоком уровне не рассуждалось о недопустимости наделения искусственного интеллекта правосубъектностью⁸, процесс внедрения всего нового, как показывает история, от этого не страдает, как правило, размывая любые ортодоксальные позиции. Это лишь вопрос времени и обоснования, с последующим принятием того, что какое-то время выходило за границы понимания. В некоторой степени это вопрос различных поколений, получивших не только разные знания, но и во многом выраженных на различных ценностях. Это, кстати, крайне важно и с позиции самого права и того, насколько новые идеи и в особенности средства их реализации более нравственны, чем начала возмездия, кары и устрашения, и насколько теория преступления и наказания относится к числу варварских [4, с. 157–159] на фоне происходящей трансформации.

Между тем, сколько бы ни говорилось о чрезмерной иллюзорности того, что написано выше, мы правы лишь отчасти. Во-первых, исходя из современных технологий, далеко не все можно так просто отрицать, а во-вторых, где гарантия того, что уже сейчас не разработано значительно большее число средств, пока что выходящих за пределы нашего понимания? Сам факт постановки вопроса о возможном присутствии в нашей жизни чего-либо подобного, пусть даже в литературе или кинематографе, уже говорит о многом, особенно если учесть неслучайность их появления в столь массовых отраслях деятельности человека. Работа О. В. Поповой (и не только [5]) говорит нам о реальности именно второго варианта и возможном его развитии в обозримом будущем.

Надо только понимать, что от прежнего представления об ответственности в этом и схожих с ним векторах развития событий практически ничего нет, причем это в равной степени касается как собственно определения уголовного наказания, так и процесса его реализации в рамках уголовно-исполнительного права и законодательства. В новых технологических условиях, в иных биополитических реалиях, когда отношение к человеку строится через технологии, а отношение к его жизни – как к управляемому государством процессу [6, с. 259–284], уже крайне сложно говорить о некоей и исключительно личной обязанности виновного в совершении преступления претерпевать тяготы и лишения ради своего исправления или перевоспитания. Проблема в том, а что же все-таки нужно государству с учетом особенностей эпохи, и есть ли там вообще место и исправлению, и перевоспитанию?

Помимо глубокой трансформации самих тягот и лишений в этом же направлении (переоценки, переосмысления) движется и отношение государства как собственно к преступнику,

⁶ Искусственный интеллект позволит преступнику прожить эмоции жертв в качестве наказания : Предложена новая концепция наказания // РБК : информационное агентство. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/667ad0169a79471fce952697> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ См. об этом более подробно: Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 11–17; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-10-17>.

⁸ См., например: Нагорная М. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Адвокатская газета : сетевое издание. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (дата обращения: 10.08.2024).

так и к тому, что, как и для чего (что становится ключевым) он должен претерпевать. Другими словами, понимание того, что использование новых технологий, являющихся элементами искусственного интеллекта, несмотря на то, что пока носит разрозненный характер, но тем не менее имеет тенденцию к объединению в рамках целенаправленной уголовной (с ее биополитическим бэкграундом [7, с. 75–84]) политики государства, дает все основания для гораздо более серьезного отношения к наблюдаемым трендам развития исследуемого явления. Представляется, что переход от полного отрицания только формирующегося подхода к его повсеместному внедрению и использованию в качестве основного не настолько далек, как это может показаться сейчас.

Для того чтобы понять его суть в карательной составляющей деятельности государства применительно к преступникам, необходимо обратиться к процессам политико-социального свойства, объясняющим, во-первых, что происходит, а, во-вторых, почему это происходит. Только тогда можно пытаться формулировать некие выводы или предположения о дальнейших трендах развития ответственности в рамках уголовного и уголовно-исполнительного права, а соответственно, и вести речь о предпринимаемых в связи с этим мерами. По этому поводу М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин отмечают: «В качестве самого общего, собственно политологического, отличия текущего этапа уголовной политики от предшествующего можно назвать тот факт, что стратегия и тактика противодействия преступлениям стали в большей степени „политическими” и в меньшей – „уголовно-правовыми”. Различия эти восходят к концептуальным построениям Дюркгейма и Фуко о функциях преступности и задачах политики противодействия ей. У первого преступность и борьба с ней призваны обеспечить нормативное, моральное единство общества, у другого – они выступают лишь в качестве средства управления общественными группами и селективного принуждения»⁹. Разница в подходах, безусловно, колоссальна, как, впрочем, велика эта разница в различии эпох, в которых творили оба автора. При этом надо понимать, что тот же М. Фуко свое видение выдал еще в середине 70-х гг. прошлого столетия, а оно в свою очередь строилось на серьезных исследованиях и многовековом опыте развития на Западе антропологической науки, позволивших ему сформировать настолько откровенно циничный биополитический (вперемешку с евгеникой, селективным отбором и пр.) подход. Поэтому сейчас говорить о неких неожиданностях, возникших в самой идее ответственности как одном из главных рефлексивных средств воздействия на преступника, наверное, не приходится. Скорее, речь необходимо вести о принятии или непринятии крайних проявлений той же евгеники и даже селекции, возможном сдерживании некоторых процессов либо предложении альтернативы как в видах наказаний, так и в их исполнении.

Увы, но многое из того, что перечислено выше, служит (именно служит) не принципам и идеям, провозглашенным в работах Дюркгейма, а тому, что транслируется в самых откровенных методичках постмодерна и производных от него явлениях или образах. Отчасти последователи М. Фуко, отчасти его соратники (в т. ч. и предшественники) в лице Ю. Хабермаса, З. Баумана, С. Жижека, Ж. Бодрийяра, П. Слотердайка, Ж. Деррида и многих других, посвящая свои работы проблеме отношения государства к своим гражданам, в т. ч. совершившим преступления, вносят серьезный вклад в трансформацию уже давно сформировавшегося в этом отношении подхода. Не вдаваясь в дискуссию, не оценивая труды перечисленных авторов и транслируемые ими идеи, тем не менее, нельзя не отметить, что именно благодаря им сегодня мы стоим на пороге революции как в самом понимании ответственности, так и ее (в особенности) реализации на практике. В них все – и новые технологии, и отношение государства к преступности, преступлениям, преступникам, и к принуждению в целом (и его средствам) на фоне представления о свободе личности и необходимости сохранения ее приоритета в соотношении с другими ценностями. Все это

⁹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 117–123; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-117-126>.

позволило разработчикам данного направления выйти на принципиально новые идеи ответственности, которые, с одной стороны, действительно позволяют корректировать позицию государства в данном вопросе, продвигая ее вперед, а с другой, указывают на несовершенство прежних догм, трансформация которых, так или иначе, неизбежна.

Ученые отмечают, что при всем этом различные концепции ответственности не являются взаимоисключающими, более того, этого и невозможно. «Не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы понять: уголовная политика, базирующаяся на той или иной из них, принципиально различается с точки зрения содержания уголовно-правового запрета и мер уголовно-правового характера, целей уголовного наказания, организации судебного процесса и стандартов доказывания, роли и возможности суда в противодействии преступности, критериев оценки эффективности политики и т. д. Уголовная политика с опорой на идеи Дюркгейма, как представляется, вполне может быть отнесена к разряду „классических“, делающих ставку на аморальность как признак преступления, вину как основание ответственности, исправление как цель наказания, воспитательную роль суда. Политика же в духе Фуко – «модернистская» (скорее постмодернистская – А. К.), банализирующая и рутинизирующая судебный процесс, пренебрегающая индивидуальными особенностями личности, ставящая сам факт ответственности и наказания преступника выше цели наказания, а по сути, признающая целью политики само осуществление наказания» [8, с. 26–40].

Остается лишь добавить, что сохранение элементов каждой концепции ответственности в ее новом виде, тем не менее, повлечет за собой глубокую трансформацию ее сущности. И то, и другое вполне объяснимо. Невозможно отменить весь накопленный человечеством опыт принуждения государством своих граждан (подданных) в случае совершения ими преступления. В свою очередь, принципы, заложенные в само явление, как и в его реализацию, уже претерпели трансформации и находятся на пути дальнейших изменений или, как минимум, поиска точек соприкосновения. Нельзя не согласиться со специалистами в оценке идейной перемены того, что все-таки хочет государство от ответственности, а соответственно, и от тех, к кому она применяется. И если совсем недавно все рассуждения применительно к ответственности и наказанию велись через призму возмездия и кары, то сейчас все чаще речь идет о контроле [9, с. 5–10], причем о его тотальности, включая не только объективный контроль (при помощи специальных технических средств), но и его психолого-физиологический, ранее совершенно недоступный, уровень.

Мы говорим не о социальном контроле, о котором написано уже немало и достаточно давно, а именно о контроле отдельно взятых лиц посредством применения к ним абсолютно конкретных средств, не позволяющих им либо скрыться от наблюдения, либо вообще исключаящих (либо наоборот позволяющих) противоправное поведение. По Г. Тарду, социальный контроль – это «средство возвращения лиц с антиобщественным поведением к социально приемлемой модели поведения» [10, с. 139]. Расширяя его теорию, Г. Росс и Г. Парк рассматривали социальный контроль как «способы публичного воздействия общества в лице общественности на личность в целях регуляции ее поведения и приведения его в соответствие с общепринятыми в данной общности нормами» [11, с. 9]. Контроль, по их мнению, служит достижению и поддержанию стабильности социальной системы. Данный термин имеет весьма широкое распространение в криминологии и объединяет различные средства уголовно-правового воздействия, позволяющие достигать целей предупреждения преступлений (снижения уровня преступности до приемлемого уровня) [9, с. 7].

Однако применительно к ответственности ситуация иная, и если раньше была выстроена одна система, когда в результате наказания мы добивались карательного и возмездного элементов, а затем пытались не допустить повторения преступного действия, то сейчас в случае с ответственностью речь идет о совершенно других аспектах. Их реализация исключает в дальнейшем социальный контроль как таковой либо оставляет за ним лишь некоторую, второстепенную функцию, абсолютно подконтрольную государству, при этом возлагая именно на ответственность практически все, от собственно тягот и лишений, до вполне

конкретных средств контроля, правда, лишенных социального начала. Человек, согласно новой концепции, перестал быть интересен именно как личность, со своим богатым духовным миром, религиозной принадлежностью, страданием и жизненным поиском. Контроль над ним, причем любым способом (как над механическим устройством), оказался во главе угла, отодвинув в сторону иные возможные мотивы воздействия на виновного в совершении преступления. Прагматизм вкупе с цинизмом победили все, что касается морали и души, начав выполнять строго заданные и вполне земные задачи, и именно контроль оказался сущностью ответственности, как и непосредственно наказания или иных мер уголовно-правового характера. В еще большей степени это относится к уголовно-исполнительной отрасли, где он изначально поставлен в основу отбывания любого вида наказания, а с усилением данной функции в уголовном праве лишь дополнительно расширяется в сфере исполнительной.

Что характерно, контроль уже давно был возведен в ранг идеи формирования как самой преступности, так и общества в целом, не говоря уже об ответственности как об одном из основных инструментов решения данной задачи. В свою очередь, чем больше инструментария оказывалось у государства (технологических императивов), тем более амбициозными в этом отношении становились задачи. Критичной при этом была и по-прежнему остается проблема соотнесения различных по своему духу идей, особенно в части их реализации, причем даже не наказания и ответственности, а отношения государства к своим гражданам. Ретроспективно они совершенно различны, но как единство и борьба противоположностей в сложившихся условиях не могут существовать друг без друга.

В итоге даже амбивалентность, пишут специалисты, сейчас носит весьма условный характер. «Мы еще пытаемся опираться на базовые для нас принципы, на которых мы выросли и были воспитаны. Они еще есть, но их уже нет. Цепляясь сознанием за то, что нам привычно, сложно принять уже случившуюся трансформацию. Деконструкция в ее максимально жесткой форме уже произошла, и никакой амбивалентности права нет. Есть двойственность восприятия, но время вне зависимости от пространства делает свое дело достаточно быстро. Вопрос не в том, когда это случится, а в том, как быстро произойдет процесс восприятия нового, а самое главное, его необратимость, когда вновь пришедшее поколение не будет способно вспомнить иного (соответственно, сравнить и выбрать лучшее). В результате заведомо утопические сценарии, нашедшие свое описание в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли или А. А. Зиновьева, в последнее десятилетие сильно потеряли именно в своей утопичности. Жесткий контроль, демонстрируемый, в первую очередь, на уровне человеческой психики, который еще вчера считался если не болезненной фантазией, то художественным вымыслом, сейчас обретает вполне конкретные очертания. Следует при этом понимать, что новая реальность не допускает и намека на амбивалентность, полностью абсолютизируя и время, и пространство. Триумфальная аномалия, влекущая за собой гиперфинальность всего (прежде всего, тех идей, на которых длительное время строилось современное общество), оказываются над временем и пространством, в конечном итоге определяя то, какими они должны быть уже сегодня» [12, с. 73–74].

Столь пессимистичный взгляд относительно будущего всей юстиции, нашедший свое отражение в работе М. В. Бавсуна и Д. В. Попова, отчасти оправдан наблюдаемыми в последние несколько десятилетий тенденциями в трансформациях всего общества в целом. В связи с этим доминирование контроля в уголовном праве в случае дальнейшей реализации биополитического проекта представляется неизбежным. Более того, все чаще начинают звучать тезисы, обосновывающие тот факт, что рациональность предупреждения преступности в своей основе сводится к почти тоталитарной биополитической стратегии, поскольку она фокусируется практически на всех аспектах жизни человека от здоровья до контроля его поведения в отдельных жизненных ситуациях. Открытым остается лишь вопрос относительно конкретных форм такого контроля, его пределов и направленности в зависимости от того, какова все-таки конечная цель. Однако уже сейчас с уверенностью можно сказать, что какая бы из предложенных моделей ни была выбрана, каждая направлена

на полное исключение малейшей альтернативы у виновного в совершении преступления. З. Бауман, анализируя произведения Дж. Оурэла и О. Хаксли, прямо указывает на прогнозирование ими максимально стабильного общества именно за счет исключения каких-либо альтернатив как наиболее легкого способа его управления [13, с. 172–174]. Естественно, что у той его части, которая допускает девиантное поведение, таких альтернатив не может быть априори.

М. Фуко подобное подчинение понимал буквально, как дисциплину [14], Агамбен [15] – в крайней точке – как редукцию к «голой жизни» – пределу человеческого в человеке. Иное управление человеком, в отличие от моральной или правовой регуляции, носит буквальный – телесный, «роботизированный» – характер [16, с. 63–70], чем сейчас активно наполняется такая категория, как ответственность, применительно к уголовно-правовой и уголовно-исполнительной сфере. М. Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному поведению общественных классах [14, с. 312–314]. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве делинквентов, казалось бы маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды; в производстве делинквента как патологического субъекта. Успех тюрьмы в борьбе вокруг закона и противозаконностей состоит в том, что она устанавливает „делинквентность”» [14, с. 406].

Заключение

Есть мнение, согласно которому бездумное воссоздание традиционного уклада приводит к формированию карикатурных форм – симулякров прошлого, потворствование же текущим трендам способно породить мрачные формы будущего. Где же точка сборки? Отвергнуть современный уклад, в т. ч. полностью отвергнуть нынешнее законодательство? Или модернизировать политический дискурс в направлении применения ответственной морали как фактора, минимизирующего преднамеренную шизофренизацию группового и индивидуального сознания? И искать компромисс между перманентной модернизацией технологий, политической волей элиты и ценностями, на которых базируется жизнь человека: любовью, свободой, мирным сотрудничеством, трудом, необходимым уровнем дохода, любознательностью?

Решения нет и не будет, а поиск баланса – одна из наиболее сложных проблем не только в данном вопросе. Понятно лишь, что как раньше – не будет, и совершенно непонятно, как будет дальше, как, впрочем, ясно, что многое будет зависеть от конкретных обстоятельств социального, политического, экономического и т. д. характера на определенный момент. Смешение идей, определяющих сущность ответственности, от мести до контроля в сочетании с карой, возмездием и устрашением придают рассматриваемой категории достаточно серьезный образ, указывающий не только на глубокую ретроспективу, но и на серьезные перспективы дальнейшего развития. Нужны эти перспективы или нет, значения не имеет, важен факт их неизбежности с учетом трансформации мировоззренческого подхода и смены поколений, иным образом относящихся к иной действительности.

Как итог, сочетание не просто условно «старого» и не менее условно «нового», а интегрирование многократно нового в прежнюю модель ответственности, откуда, с одной стороны, невозможно изъять базовые начала принуждения, а с другой – необходимо поместить иное содержание, меняющее в свою очередь сам принцип отношения государства к тем, кто совершил преступления. Последняя четверть столетия прошлого и первая века нынешнего не просто сгенерировали новые идеи и принципы ответственности, таким образом выступив в качестве условно прогрессивного периода. Генерация, безусловно, произошла, но возникла она не сама по себе, а стала возможной благодаря многим факторам объективного свойства, которые накапливались на протяжении долгого времени, включая не только развитие различных отраслей наук, в числе которых медицина, психиатрия,

генетика, антропология и т. д., но и факторы политического, экономического, общемирового, регионального, национального и иных свойств и качеств. Речь при этом должна идти даже не столько об изменении внешних обстоятельств, сколько об их способности трансформировать сущность ответственности, имеющей потенциал впитать, казалось бы, достаточно разнонаправленные идеи под эгидой тотального контроля, исключающего любую альтернативу для преступника. В сочетании с возмездием и карой в ближайшем обозримом будущем мы можем наблюдать значительно более тоталитарную, жестокую и безальтернативную систему юстиции, чем любая из тех, которые мы знали ранее.

Список литературы

1. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении : монография. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 135 с.
2. *Попова О. В.* Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : [монография]. – Москва: Канон+, 2021. – 336 с.
3. *Слотердаик П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть : диалогические исследования / пер. с нем. А. Перцева. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 600 с.
4. *Соловьев В. С.* Проповедник в пустыне: проповеди о праве : (избранные труды) / сост.: В. И. Лафитский, Е. А. Юртаева. – Москва: Статут, 2014. – 623 с.
5. *Белялетдинов Р. Р.* Риски современных биотехнологий. Социогуманитарный анализ : монография. – Москва: 4 Принт, 2019. – 212 с.
6. *Mbembé J.-A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12, Is. 1. – P. 259–284; <https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259>.
7. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Биополитический бэкграунд уголовной политики // *Философия права*. – 2019. – № 4 (91). – С. 75–84.
8. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Преступность и судебно-уголовная политика // *Журнал российского права*. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 26–40; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>.
9. *Карпов К. Н.* Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2020. – № 4. – С. 5–11; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11001>.
10. *Тард Г.* Социальная логика : [Перевод]. – Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 1996. – 427 с.
11. *Ross E. A.* Social control; a survey of the foundations of order. – New York: The Macmillan Company, 1969. – 491 p.
12. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2021. – № 1 (80). – С. 66–74; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
13. *Бауман З.* Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского – Москва: Новое издательство, 2021. – 204 с.
14. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 1999. – 480 с.
15. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижев [и др.]. – Москва: Европа, 2011. – 146 с.
16. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // *Вестник Омской академии МВД России*. – 2018. – № 4 (71). – С. 62–70.

References

1. *Martsev A. I.* Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii : monografiya. – Omsk: Omskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 135 s.

2. *Popova O. V.* Telo kak territoriya tekhnologiy. Ot sotsial'noy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya : [monografiya]. – Moskva: Kanon+, 2021. – 336 s.
3. *Sloterdayk P., Khaynricks G.-Yu.* Solntse i smert' : dialogicheskiye issledovaniya / per. s nem. A. Pertseva. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2015. – 600 s.
4. *Solov'yev V. S.* Propovednik v pustyne: propovedi o prave : (izbrannyye trudy) / sost.: V. I. Lafitskiy, Ye. A. Yurtayeva. – Moskva: Statut, 2014. – 623 s.
5. *Belyaletdinov R. R.* Riski sovremennykh biotekhnologiy. Sotsiogumanitarnyy analiz : monografiya. – Moskva: 4 Print, 2019. – 212 s.
6. *Mbembé J.-A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa // Public Culture. – 2000. – Vol. 12, Is. 1. – P. 259–284; <https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259>.
7. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Biopoliticheskiy bekgrund ugolovnoy politiki // Filosofiya prava. – 2019. – № 4 (91). – S. 75–84.
8. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Prestupnost' i sudebno-ugolovnaya politika // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2021. – T. 25, № 12. – S. 26–40; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>.
9. *Karpov K. N.* Funktsiya kontrolya v ugolovnom prave: postanovka problemy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2020. – № 4. – S. 5–11; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11001>.
10. *Tard G.* Sotsial'naya logika : [Perevod]. – Sankt-Peterburg: Sotsial'no-psikhologicheskiiy tsentr, 1996. – 427 s.
11. *Ross E. A.* Social control; a survey of the foundations of order. – New York: The Macmillan Company, 1969. – 491 p.
12. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya III. Ambivalentnost' prava v kontekste biopoliticheskoy strategii gosudarstva // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – № 1 (80). – S. 66–74; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
13. *Bauman Z.* Svoboda / per. s angl. G. Dashevskogo – Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2021. – 204 c.
14. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my / per. s fr. V. Naumova ; pod red. I. Borisovoï. – Moskva: Ad Marginem Press, 1999. – 480 s.
15. *Agamben Dzh.* Homo sacer. Chrezvychaynoye polozheniye / per. s ital. M. Velizhev [i dr.]. – Moskva: Yevropa, 2011. – 146 s.
16. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya I. Proliferatsiya norm i razum // Vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (71). – S. 62–70.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 8, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication December 25, 2024.